

Дмитрий Георгиевич Протасов родился в 1962 году в городе Борисоглебске. Окончил филологический факультет Борисоглебского педагогического института, факультет географии, геоэкологии и туризма, факультет журналистики Воронежского государственного университета. Работал журналистом, руководителем пресс-службы администрации Борисоглебского района, главным редактором Борисоглебской районной газеты, маркетологом. В настоящее время — зам. директора охранного предприятия. Публиковался в региональной печати. Автор восьми книг прозы. Живет в Борисоглебске.

Дмитрий Протасов

ОСАДА ЛАВРЫ

Рассказ о былом

Ранняя погожая осень. Солнце яркое, и небушко чистое, словно умытое! Лес стоит весь в золоте и багрянце. Прекрасны дары обманщицы-осени, но до тех пор, как она все не отберет обратно.

Неописуема красота сего божьего храма. Временами замирая от восхищения, любуясь могучими лесными великанами, монастырский служка Митяй бродил по лесу — собирал грибы. Их в этих краях всегда было много, но нынче высыпало этой лесной благодати видимо-невидимо. Ползая по небольшой опушке среди деревьев и наполняя здоровенный кузов, Митяя неожиданно услышал приглушенный говор и топот множества конских копыт. Поднял голову и обомлел. Прямо перед ним двигалось множество вооруженных людей в иноземном платье. Мальчишка не разбирался в одеяниях польских солдат, немецких наемников, литовских воинов, но сразу смекнул — это идут враги. Его самого спасло лишь то, что он ползал по опушке на карачках. Потому его и не было видно за невысоким подлеском, отделявшим грибную палестинку от звериной тропы, по которой двигались чужие воины.

Пятясь задом, все так же на четвереньках, кусая себе губы, чтобы не заорать от страха, паренек задвинулся в самую чащобу. Там вскочил и опрометью бросился

к лавре. Он летел, словно ветер, забывший грибного царства свою переполненную корзину. Через час, запыхавшийся, влетел в монастырские ворота, закричал, предупреждая о нашествии, и упал, задыхаясь.

Было то на следующий день после начала нового 7116 года от сотворения Мира в Звездном Храме по Круголету Числобога. (До принятия Петром I европейского календаря в 1700 году на Руси существовал другой способ летоисчисления.) Это поляки и литовцы, да свои тушинские предатели шли воевать Троице-Сергиеву лавру. Судьба множество раз испытывала Русь на прочность. Но вот на рубеже шестнадцатого и семнадцатого веков она ниспослала ей особое, ранее невиданное, суровое и великое испытание — Смутное время.

Сергий Радонежский основал Троицкий монастырь в 70 верстах к северо-востоку от Москвы в 1345 году. Уже в XVI веке он стал важнейшим духовным и культурным центром Московского княжества, правители которого при деятельной поддержке митрополитов вся Русь кристаллизовали в единое централизованное государство разоренные, ослабевшие, погрязшие в распрях старые русские княжества. Троице-Сергиев монастырь стал ключевым звеном в системе обороны средневековой Москвы, являясь ее главным форпостом на северо-восточных подступах.

К периоду Смутного времени монастырь уже был влиятельным религиозным центром, обладателем богатейшей сокровищницы и первоклассной военной крепостью. В 1540–1550 годах он был огражден несокрушимыми каменными стенами длиной более километра с 12 башнями. Могучие стены высотой от 8 до 15 метров имели толщину до 6 метров. На стенах и башнях было 110 пушек, имелись многочисленные метательные устройства, котлы для кипятка и огненной смолы и приспособления для их опрокидывания на неприятеля.

Укрепившийся в Подмосковье в городе Тушине (откуда и пошла известная на Руси поговорка про Тушинского вора) очередной самозванец и претендент на Московский престол Лжедмитрий II (настоящее его имя история для нас не сохранила) и поддерживавшие его польские силы предприняли попытку организовать блокаду русской столицы. Если бы им удалось занять Троице-Сергиеву лавру, то это обеспечило бы полную блокаду Москвы с востока и контроль над всеми северо-восточными районами Руси. А уж захват сокровищ монастыря еще и позволил бы значительно укрепить финансовое положение смутьянов. Кроме того, привлечение на свою сторону влиятельной монастырской братии сулило окончательное крушение авторитета русского царя Василия Шуйского и последующее венчание на царство Лжедмитрия. Для этого осенью 1608 года к монастырю и отправилось объединенное польско-литовское войско гетмана Яна-Петра Сапеги, усиленное отрядами русских союзников: предателей-тушинцев, переметнувшихся к полякам, и изменников-казаков под командованием полковника Александра Лисовского.

— Да сколько же их?.. — изумленно пробурчал невысокий, но очень широкоплечий ратник, продолжая смотреть сквозь бойницу вдаль.

Монастырский отрок Митя, тайком забравшийся на крепостную стену, тоже смотрел туда, где из рыжего леса полк за полком выходила иноземная пехота, сотня за сотней выкатывались тяжелые польские гусары с крыльями за плечами. Везли и пушки — правда, немного. Иностранное войско и наемники составляли 6–7 тысяч человек. Тушинцев

было почти столько же. Всего 12–15 тысяч. По тем временам это огромная армия.

Монастырь не был беззащитен пред лицом неожиданного врага. Предусмотрительный Василий Шуйский успел заранее отправить в Троице-Сергиеву Лавру отряды детей боярских, верных правительству казаков и стрельцов под командой воеводы князя Григория Долгорукого-Роци и московского дворянина Алексея Голохвастова. Они быстро оборудовали крепостные сооружения, оснастили их всем необходимым и вместе с «усердными иноками» во главе с архимандритом монастыря Иоасафом успели приготовить лавру к долгому сопротивлению. Всего оборонявшихся насчитывалось к началу осады не более 2000 человек ратных людей и еще около 1000 крестьян соседних сел, укрывшихся в монастырских стенах, паломников и работников монастыря, принявших активнейшее участие в его защите.

Руководители польско-литовского войска не ожидали встретить упорной обороны простого, хотя и известного, монастыря, оказавшегося пред лицом огромной армии захватчиков. Поэтому отказ русского гарнизона сдать Троице-Сергиеву лавру их просто изумил, а еще поставил в затруднительное положение. Пришлось спешно сооружать собственный укрепленный лагерь и готовиться к трудностям штурма, ожидая приближающуюся зиму. Одновременно Ян Сапега пытался все же вступить в переговоры с осажденными. Он даже направил в монастырь письмо, в котором обещал всяческие благодеяния за сдачу и жестокие кары и неминуемую гибель при сопротивлении. «Если мирно сдадитесь, то будете наместниками Троицкого града и владетелями многих сел богатых, в случае бесполезного упорства, падут головы ваши...» — писал он.

Воевода Григорий Долгорукий-Роща, нагнувшись, вошел в темную келью архимандрита Иоасафа. Тьму рассеивали несколько плашек с горящим жиром. Да на большом дубовом столе горела уже оплывшая свеча.

— Звал, владыка?

— Да, Григорий Борисович, — низко прогудел старец, — прочти.

Воевода быстро пробежал письмо Сапеги.

— Обещает всех вырезать, если не сдадимся. Даже баб с ребятишками.

— Что делать будем? — спросил воевода. — Надо бы от людей скрыть письмо это окаянное, а то ведь страх в душе поселится.

— А вот давай у народа и спросим, — тихо сказал архимандрит.

— Да ты что, владыка, — опешил Долгорукий. — Такое говорить нельзя...

— Плохо же ты, воевода, наш народ знаешь! — выпрямил согбенную спину патриарх и вдруг оказался весьма немалого роста. Из-под кустистых бровей его полыхнул такой лютый огонь праведного гнева, что Долгорукий отшатнулся. В голосе монаха неожиданно зазвенела булатная сталь.

— Идем, — бросил архимандрит своим стальным голосом, и воевода даже не посмел его послушаться.

На соборной площади под звук набата быстро собрались люди: стрельцы, казаки, ратники, монахи, окрестные крестьяне с женами и детьми, паломники, застигнутые войной в монастыре. Когда отец Иоасаф громко прочитал всем письмо поляков, сначала установилась тишина.

— Что делать будем, братие мои? — сурово вопрошал патриарх. — Покоримся врагам, сдадим крепость и тем жизни свои суетные сохраним? Или же вам — православным, аки и мне, — мерзко будет покорить-

ся сим католикам поганым и жить потом под их пятою, в чужеземной вере?

Некоторое время молчали люди.

— Да не бывало такого на Руси Святой никогда, — вскричал вдруг один из монахов.

— И не будет!

— Не бывать этому!

— Не сдадим лавру! Биться будем до смерти! Не убоимся ляха! Умрем, а не сдадимся! — полыхнуло множеством голосов по всему монастырю.

— Не страшимся! — кричали простые русские мужики, которые совсем недавно сами сожгли свои собственные посады у монастырских стен со всем скарбом, чтобы они не достались врагу.

И за стенами лавры, в польском лагере, были слышны эти крики. И там их сразу поняли.

Поздняя осень. Показала теперь старая колдунья все свое уродливое естество. Листва в лесу уже облетела, и деревья стоят угрюмые и нагие, в одном сером рубище своем, устремив в немой мольбе скрюченные руки-ветви в стылое свинцовое небо. Меж ними запуталась рыхлая необъятная туша седого тумана. Ползет он день за днем по телу земли, укрывая гибель и смерть человеческие, слизывая их кровь. По несколько дней кряду идут печальные слезливые дожди, превращая рыжую глинистую землю в непролазную топь. Блестящие от влаги мощные стены и высокие башни монастыря непоколебимо устремлены ввысь. У их подножия копошатся многочисленные люди в вымокшей чужеземной одежде. Это поляки ведут правильную осаду лавры.

Архимандрит Троице-Сергиевой лавры Иоасаф в ответном послании Сапеге подтвердил, что воины и монахи будут защищать обитель, православие и землю нашу — Святую Русь, не щадя живота своего. Текст послания Иоасафа полякам на стрелах забросили далеко за стены монастыря. Там их подобрали верные люди — русские лазутчики — и доставили в другие места. Копии этого послания в виде грамот широко распространились по всей Руси. Их читали на городских площадях при огромном скоплении народа. Люди слушали глашатаев и плакали, потом несли последние сбережения в общую воинскую казну. Письмо архимандрита лавры стало блестящим ходом. Оно сыграло колоссальную роль в росте национального самосознания всего русского народа. И потому оборона монастыря с самого ее начала приобрела в глазах самих осажденных и всего русского общества общенациональный и глубоко патриотичный характер, умноженный на значение вооруженной защиты одной из главнейших православных святынь.

Уже с третьего октября иноземцы начали обстрел монастыря. Много недель гремела канонада. В крепость непрерывно летели каленые ядра, вызывая пожары. В обители народ ходил крестным ходом: оставалось только молиться. В день архистратига Михаила во время вечерни ядро ударило прямо в железные двери Троицкого собора, пробило их и оставило след на доске образа святого чудотворца Николая. Народ пришел в ужас, слезы орошали церковный помост, пение замедлялось от плача. Но во время той же вечерни изнемогшему от уныния архимандриту явился сам архангел Михаил. С лицом сияющим и гордым, со скипетром в руках и грозя врагам он говорил: «Вскоре Всесильный Бог воздаст вам отмщение»!

Круглое сквозное отверстие во вратах лавры показывают и ныне.

Поляки стреляли по монастырю из 63 пушек непрерывно, но вскоре обнаружили, что стены цитадели им таким способом не разрушить. Могучие бастионы лавры, выстроенные умелыми русскими мастерами, чаще всего просто отражали ядра: они отскакивали, как мячики. Сапегу и Лисовского это взбесило, но не обескуражило. Они начали разрабатывать план хитрого подкопа и в строгой тайне приступили к работе.

13 октября в стане поляков была большая безобразная пьянка, которую они называли пиром. Много было выпито всякого заморского вина. Одновременно тушинцы готовили длинные штурмовые лестницы, передвижные щиты на колесах, фашины — плотно увязанные охапки хвороста — для прикрытия от пуль и заваливания рвов. Сразу с заходом солнца хмельные чужестранцы под громкую боевую музыку бросились на штурм. Вскоре они ненароком подожгли одно из передовых русских деревянных укреплений. И тут пламя пожара осветило порядки наступающих войск — и враг стал виден как на ладони.

И тогда русские встретили плотные штурмовые колонны интервентов дружными залпами пушек и пицалей. Прицельным огнем многочисленной русской артиллерии идущие на приступ были остановлены, а затем и обращены в бегство. Поляки побросали лестницы и фашины и отступили с большими потерями. Но утром ляхи, как ни в чем не бывало, послали парламентаров, чтобы вновь предложить якобы выгодные условия сдачи. Конечно, им отказали. И вновь чужеземцы пошли на штурм, и опять неудачно. Русские воеводы недоумевали — что за странная осада? И Долгорукий и Голохвастов почуяли неладное и стали засылать в стан врага лазутчиков. Вскоре в Мишутинском овраге русские разведчики добыли языка — литовского ротмистра Брушевского. Допрашивали его с пристрастием, так что под пыткой тот все же поведал-таки главную тайну Сапег: поляки ведут подкоп под стену.

Подкоп, завершившись под стеной, будет начинен порохом, и тогда все — оборона завершится! Защитники крепости немедленно предприняли контрмеры. Русский умелец, zelo искусный в горном деле, монастырский слуга Корсаков сделал под башнями «слухи» — ямы, в которых постоянно сидели люди и слушали шумы и стук под землей. А затем осажденные под его же руководством соорудили секретный ход из-под стены в ров. В одну из холодных, угрюмых ноябрьских ночей русские, выйдя через ров из крепости, сами напали на врага. Они овладели старой мельницей недалеко от лавры и нашли-таки рядом с ней подкоп. Двое смельчаков — Шилов и Слоба (летописи, к сожалению, сохранили для нас только его прозвище) — забрались внутрь и заложили в него порох. Но тут поляки очухались и контратаковали.

Разгорелся жестокий бой. Подходили все новые и новые польские и литовские отряды. Надо было срочно уходить в крепость, но подкоп оказался уж очень длинным. Русские были вынуждены отступить, а Шилов и Слоба, понимая, что они не успевают вернуться, подожгли порох. Раздался взрыв, подкоп весь рухнул, и навсегда в нем остались погребенными двое простых русских людей, добровольно отдавших свои жизни за Веру, Отчизну и свою Святыню. А бой продолжался. Воодушевленные взрывом защитники лавры дрались яростно. «Не страшимся! Отмстим за все!» — выкрикивали они в ходе злой сечи.

В том бою русские вывели из строя почти полторы тысячи человек из войска Лисовского, но и сами потеряли 174 бойца, а 66 были ранены. А

еще наши отбили у врага 8 пушек, много пищаей, самопалов и даже несколько бочек пороха, которого уже не хватало в крепости. Подождгли, отходя обратно в монастырь, осадные туры и разрушили батареи.

Эта удачная вылазка гарнизона, дорого стоившая полякам, вынудила Сапегу и Лисовского изменить тактику. Они перестали штурмовать монастырь, чтобы уменьшить потери, и перешли к плотной осаде. Теперь они решили задушить проклятых русских голодной блокадой.

А руководители окруженной лавры продолжали придерживаться тактики активной обороны. В декабре 1608-го — январе 1609 года дерзкими вылазками русским удалось отбить у осаждавших даже часть скота и запасы сена. Были также разрушены ряд застав, подожены некоторые укрепления противника. Однако при этом русские воины и сами понесли значительные потери, составившие только в декабре 325 человек убитыми и пленными. И все же, несмотря на все страшные тяготы блокады, Троице-Сергиев монастырь продолжал стойко обороняться. Как вспоминал потом один из поляков, лавра была вооружена «людьми, железом и мужеством».

В январе 1609 года одна из вылазок осажденных едва не закончилась трагедией. Противник атаковал их из засады и отрезал от монастыря, а конница осаждающих ворвалась прямо в открытые ворота и даже в саму лавру. Положение вновь спасла многочисленная русская артиллерия, точным огнем сбившая пыл противника. Благодаря этой поддержке участвовавшие в ночной схватке стрельцы смогли вернуться в монастырь, потеряв, правда, свыше сорока своих товарищей только убитыми. А ворвавшиеся в лавру конники противника были перебиты крестьянами и паломниками. Они забросали их камнями и бревнами в узких улочках между постройками, бились насмерть дубинами и косами, стаскивали врагов с коней крючьями и истребили их всех до единого.

Монастырский отрок Митя, вытянувшийся за зиму во вьюношу, тоже ходил смотреть на лежавших бесконечными рядами убитых поляков. Цветные иноземные кафтаны мертвецов были густо вымазаны кровью. Парнишку поразило, что у многих были разбиты, а то и вовсе деформированы головы падением тяжелых бревен. Потом всех погибших передала представителям Сапег.

Обстрелы и приступы сменяли друг друга. Таяло число защитников лавры. Заканчивалось продовольствие, ощущалась нехватка воды. Люди страдали от ран и от холода, ибо дровяные запасы также подходили к концу. Но по-прежнему наготове были котлы с кипящей смолой, пушки сурово смотрели в сторону захватчиков, и крепко держали оружие крестьяне, стрельцы и сами монахи. Люди погибали в бою на крепостных стенах, умирали от ран и болезней. Но и силы поляков с их союзниками были на исходе. Польский гонор постепенно сменялся озабоченностью, непониманием, страхом и, наконец, отчаянием. А эти немногочисленные, но очень упрямые проклятые русские все не сдавались и не сдавались...

Зима. Конец всем обманам природы. Теперь в лесу умерло все — словно навечно! Все дороги замело снегами, реки сковали морозы. Русская зима, как всегда, встретила иноземных захватчиков лютыми холодами. В небо тянутся столбы дыма от бивачных костров и облачка пара от дыхания людей и животных. Ляхи мерзнут, но стараются не падать духом от бесконечной осады. Вот уже больше четырех месяцев они топчутся у стен лавры. Греются винами и горилкой. Провизии им хватает — огра-

били все окрестные села, сожрали почти всю скотину. Пол-леса извели на дрова. Им ведь здесь ничего не жалко!

У защитников монастыря положение совсем другое. Еда практически закончилась, не хватает даже чистой воды. Русский предатель сообщил Сапеге о том, что, спустив один из монастырских прудов, он может оставить всех в крепости без питьевой воды. И это было сделано. Но защитники вырыли пруд внутри стен и собирали грязную воду оттуда.

В лавре не хватало дров — поляки зорко следили за крепостью и убивали дровосеков. Воеводы уменьшили ежедневный паек. Скученность людей грозила эпидемией. И вот нагрянула цинга. Люди пухли и гнили заживо, умирали, а живые задыхались от смрада. Сначала в день умирало человек по десять. Потом — по двадцать. А потом каждый день стало умирать человек до пятидесяти.

Пощады болезнь не давала никому, словно была в союзе с поляками — таяли ряды защитников лавры. А русская зима — она очень долгая! Живые копали во дворе большие, с запасом, могилы и с утра до вечера хоронили мертвых. Архимандрит Иоасаф писал кесарю Авраамию Палицину отчаянные письма в Москву. У гарнизона заканчивался и порох. Василий Шуйский, слушая мольбы о помощи, ничего не мог сделать. Лжедмитрий сидел по-прежнему в Тушине и готовился штурмовать саму столицу.

И все же Русь не забывала своих сыновей-ратников. Русский царь выслал в помощь осажденным небольшой отряд с вооружением. К сожалению, полякам удалось захватить гонцов, которых старшина обоза отправил в крепость для координации плана действий. Под пытками гонцы раскрыли известные им сведения. В результате в ночь на 16 февраля 1609 года обоз попал в засаду, подготовленную поляками. Охранявшие обоз казаки вступили в неравный бой. Смертный бой! Кого им было просить о помощи? Только других русских! Шум и грохот ожесточенной битвы был таков, что его услышали на стенах монастыря. Кто-то из дозорных даже расслышал крики: «Братья, спасайте!»

Заслышав шум боя, воевода Долгорукий немедленно принял решение, несмотря на риск провокации, предпринять вылазку. В результате ночной жестокой баталии засада ляхов была рассеяна, а ценный обоз прорвался в монастырь. Атаман Останков пробился сквозь кольцо блокады, привез несколько бочек с порохом — всего лишь сто двадцать пудов удалось сохранить в сражении. Помощь была малая — около восьмидесяти новых бойцов привел в лавру атаман. Но люди взбодрились, они поняли, что о них помнят, стараются поддержать. Надежда озарила суровые лики воинов.

А раздосадованный неудачей полковник Лисовский приказал наутро вывести под стены монастыря и зверски казнить захваченных русских гонцов и взятых в ночном бою четырех пленных. На виду у всех защитников лавры их зарубили и посекали на части.

Воевода Долгорукий смотрел на все это молча, недвижимо, медленно закипая лютой ненавистью. Смуглая рука сжалась в тяжелый кулак. Вздурлись вены, едва не порвав кожаный темляк. Когда с последним русичем было покончено, князь Григорий медленно развернулся к своим людям. На его лицо было страшно смотреть.

— Привести сюда всех пленных: и ляхов, и тушинцев, — сурово приказал воевода. Слова словно выплескивались из уст его вместе с ненавистью.

И свершилось. Зло породило зло. На стены вывели всех имевшихся в

монастыре пленных — 61 человек. Многие были здесь уже несколько месяцев. Относились к ним нормально. Кормили скудно, но так же, как и своих. Теперь их жизнь пресеклась. В ответ на злодеяние поляков Долгорукий-Роща приказал зарубить их всех: и поляков, и казаков-изменников, иностранных наемников.

На армию захватчиков это возымело действие. В ней вспыхнул мятеж против самого Лисовского, которого тушинцы и иностранные наемники обвинили в том, что он спровоцировал русских на ответную жестокость, и потребовали казнить его. Бунт тушинских отрядов Сапеге удалось подавить, но с этого времени раздоры в лагере врага стали усиливаться.

Вот и закончилась страшная цинготная зима. Немногие из защитников лавры смогли ее пережить. Стало тепло, болезни отступили. Теперь с нерушимых стен им было видно, как вновь оделся лес в зеленые наряды. Прошла весна, за ней наступило жаркое лето, а осада все продолжалась.

К маю, когда цинга отступила окончательно, в лавре в живых осталось всего 500 человек. И с ними-то и играл в «огненную потеху» Ян Сапега. Каждый месяц — новый штурм! 28 мая упорный бой длился всю ночь. Много часов бились и стрельцы, и иноки, и крестьяне. Руки уже не в силах были держать бердыши и алебарды, а над стеной возникали все новые и новые усатые опухшие рожи. Монахи лили на них кипящую смолу, и дико орущие, объятые пламенем почерневшие тела скользили вдоль равнодушных стен вниз. Крестьяне бросали сверху камни, отталкивали лестницы. Утром поляки все равно отступили, усеяв телами убитых все подступы к крепости.

А еще через месяц к пестрой армии осаждавших вновь пришла подмога — из-под Тушина прибыл с войском пан Зборовский. Посмеялся он над Лисовским и Сапегою, провозившихся у стен монастыря почти целый год, и написал в письме к остаткам гарнизона: «Москва-то уже Дмитрию (Лжедмитрию) покорилась». — «Красно лжете, но никто не имеет вам веры...» — кратко, но твердо отвечали ему русские воеводы, у которых оставалась буквально горстка бойцов — всего лишь 400 человек.

В крепости по-прежнему не хватало пороха и продовольствия. Знавший о трудностях осажденных Сапега предпринял очередную подготовку к новому штурму, а для гарантии успеха направил в монастырь перебежчика, своего личного лазутчика — поляка Мартьяша. Ловкий и вероломный перевертыш имел задание: любым способом войти в доверие к русскому воеводе, а в решающий момент вывести из строя хотя бы часть русской крепостной артиллерии. Мартьяш участвовал с русскими в вылазках в поле, недрогнувшей рукой палил из пушек по своим, учил стрелять русских пушкарей. Коварный поляк тем самым действительно втерся в доверие к воеводе Долгорукому. Одно время предатель даже спал с ним в одной келье.

Но накануне штурма, назначенного на 8 июля, в монастырь перебежал православный ливтин, сообщивший о злокозненном лазутчике. Словно рука Господня привела его в монастырь за два дня до возможной беды. Мартьяш был схвачен и под пыткой сообщил все известное ему о предстоящем штурме. Хотя к тому времени силы гарнизона лавры уменьшились более чем втрое с начала осады, правильная расстановка в местах ударов противника и на этот раз позволила отстоять монастырь. Штурмующие были отбиты в ночном бою, а при последующей вылазке в плен было захвачено более тридцати иноземцев. Но и число воинов среди осажден-

ных стремительно уменьшалось. В строю их оставалось чуть более двухсот человек.

Поэтому Сапега сразу же стал готовить новый штурм. За счет присоединения действовавших в окрестностях отрядов тушинцев он довел численность своего войска почти до 20 000 человек. На этот раз атака должна была осуществиться сразу со всех четырех сторон, чтобы добиться полного раздробления сил ничтожного гарнизона. Сигналом для атаки должен был стать пушечный выстрел каленым ядром, от которого начнется пожар в крепости. Если пожар не начнется — то второй выстрел. А если и тогда огонь не возникнет — то третий выстрел и будет сигналом. Штурм был назначен на 7 августа 1609 года. Видевший приговления к нему воевода Долгорукий-Роцца вооружил всех живых: стрельцов, крестьян, монахов, но надежды на успех практически не было...

Осажденных могло спасти только чудо. О нем, о заступничестве Божьем, дено и ночью молились в монастыре. И чудо свершилось!

Сложная и запутанная система сигнала к штурму сыграла свою роль — одни отряды врага бросились на приступ сразу после первого выстрела, другие — после последующих. И длань Господня вмешалась в битву, смешав врагов и столкнув их друг с другом. В глубокой тьме порядки штурмующих перемешались. В одном месте немецкие наемники слышали за спиной русские крики тушинцев и, решив, что это вышедшие на вылазку осажденные, вступили с ними в бой. В другом месте при вспыхках выстрелов польская колонна увидела заходящий ей во фланг отряд казаков и сама открыла по ним огонь. Артиллерия осажденных начала вести огонь по всему огромному полю сражения, усиливая суматоху и возникшую панику. Сражение между осаждающими перешло в кровавую резню друг против друга. Численность погибших исчислялась сотнями!

— Сам Господь смешал их, — перешептывались люди на стенах.

С этого, без преувеличения сказать, критического момента шаткое единство в огромном и разноязыком воинстве осаждающих окончательно разладилось. Часть отрядов тушинцев просто покинула лагерь Сапеги и ушла в другие районы — грабить всегда проще, чем ожесточенно сражаться. Чуть позже ушли иностранные наемники. В оставшихся отрядах польской вольницы усилилось дезертирство. А немногочисленные защитники лавры, наоборот, были абсолютно уверены, что чудесное спасение святыни было результатом Божественного заступничества и Господь их теперь уже ни за что не оставит своим покровительством.

31 августа, когда русские отразили еще один штурм, пан Зборовский и вовсе перестал смеяться. Штурмы прекратились. В сентябре осажденные ухитрились отбить у поляков целое стадо скота! Жить в лавре стало веселей. А 19 октября в монастырь прорвалось подкрепление — около тысячи воинов с воеводами Давыдом Жеребцовым и Григорием Валуевым, которых прислал русский полководец Скопин-Шуйский. Теперь гарнизон смог вновь вернуться к активной обороне. Во время очередной ночной вылазки стрельцы, которые поляков ненавидели за их повсеместные грабежи, сожгли половину осадных сооружений противника. По-прежнему существовавшее численное превосходство врага не позволило русским ворваться в сам лагерь иноземцев, но уже становилось понятно, кто выйдет победителем в этом единоборстве. Теперь полякам стало совсем плохо. В январе Сапега и Лисовский вместе с Зборовским стали снимать осаду. Вторую зиму их износившиеся и наполовину перебитые войска уже не выдержали бы.

Высокий худощавый юноша, чистый лицом, в чужом истрепанном стрелецком кафтане, смотрел своими ясными глазами на лагерь поляков и недоумевал: похоже, они собирались уходить. Не верилось — вдруг это новая уловка коварного врага. Мало кто узнал бы сейчас в молодом воине монастырского отрока, повзрослевшего за эти полтора года. Впрочем, русские мальчишки удивительно быстро взрослеют...

— Слава тебе, Господи! Дождались! — раздалось сзади.

На стену поднимался вызванный караулом воевода.

— Дожили-таки мы, Митя, до этого, — тихо произнес князь Григорий, опершись рукой в латной рукавице на каменный парапет. — Пусть же ляхи поганые знают, что никогда русские не покорялись врагам!

Четыреста лет назад русским народом была одержана великая победа. После шестнадцати месяцев беспримерной осады неприятель бежал от стен Троице-Сергиевой лавры! Все попытки польско-литовских захватчиков и помогавших им русских «воров» овладеть цитаделью русского православия провалились. Благополучное окончание осады оказало небывалое влияние на настроение населения всей огромной страны. Столь решительный отпор ненавистным оккупантам поднял дух и всех русских войск.

Всего под предводительством князя Григория Долгорукого-Роци и Алексея Голохвастого около тысячи восьмисот русских воинов, в числе которых было немало монахов, а также около тысячи русских мужиков из окрестных деревень бились против почти 20-тысячного вражеского войска: частных армий польских и литовских магнатов, разноплеменных наемников, русских «воров» — приспешников тушинского самозванца, татар из причерноморских и крымских орд, воровских казаков с низовьев Днепра. Бились полтора года и выстояли!

Цена победы была очень высока: погибли девять из каждого десятка защитников православной твердыни — монахов, мирных людей, сбежавшихся в монастырь от европейских «освободителей». Воинов, находившихся в лавре с самого начала, уцелело лишь чуть более сотни! Монахов осталось в живых шестеро!

А духовные наследники защитников лавры, дети земли русской — наши воины Света — и в последующих временах так же твердо стояли до последнего, смерть презрев, ради Отчизны святой и любезной. Стояли они насмерть под Полтавой и на Бородинском поле, на бастионах Севастополя в 1855-м и в 1942-м. Умирили, но не сдавались они в Брестской крепости, в Ленинграде и Сталинграде. Погибли, но не уступили русские десантники на базе афганских моджахедов Бодайбера в 1985-м. Боролись и погибли воины 131-й мотострелковой бригады в Грозном в новогоднюю ночь в 1994-м... Как сражаются наши парни сегодня в Донбассе...

Так было всегда. И не бывает по-другому на земле Русской!

